

Увлечение декадентами не так еще далеко ушло въ область воспоминаній, чтобы не помнить, какъ читали обычно стихи поэты-декаденты. Имъ казалось, что они проникновенно глубоко передаютъ стихи, расставляя ихъ съ удареніями на рифмахъ. А на самомъ дѣлѣ это было завываніе.

Г-жа Юренева для передачи душевной муки прибѣгаетъ къ завыванію. И вся ея игра носитъ отпечатокъ дѣланности.

Говоря „дѣланности“, я отнюдь не имѣю въ виду того, что роль тщательно продумана и каждое движеніе, каждый жестъ разработанъ. Такъ поступаютъ многіе артисты. Это—школа Сары Вернаръ. Такъ разрабатываетъ свои роли Е. Н. Рощина-Инсарова.

Но дѣло-то въ томъ, что Е. Н. Рощина-Инсарова увлекаетъ силою внутренняго переживанія такъ, что никакой подготовки и предвзятости въ ея движеніяхъ и ея словахъ вы не замѣчаете. А у г-жи Юреновой каждый шагъ и каждое слово—дѣланны. Каждую минуту вы чувствуете, что она играетъ.

Жизнениѣ всего у нея вышла передача радости и щебетанія счастливой женщины.

Это наводитъ на мысль:

— Не потеряла ли комедія очаровательную артистку въ лицѣ г-жи Юреновой?

Возможно, что г-жа Юренева родилась, чтобы быть царщицею въ комедіи, но по недоразумѣнію поступила въ служанки къ драмѣ.

И въ „Снѣгѣ“ она была плохого служанкою.

Однако, не самую плохую. Хуже ея—г. Рудницкій. Даже неизмѣримо хуже.

Почему онъ артистъ?

Рослая фигура съ явными признаками природной наклонности къ столбняку. Совершенно не поставленный для сцены голосъ. Безмятежность чувствъ и дѣтски наивное пониманіе роли.

Эва говорятъ о призваніи Тадеуша къ борьбѣ и подвигамъ и называютъ его сильнымъ. Тадеушъ-Рудницкій понимаетъ это въ прямомъ значеніи: расправляетъ плечи, сжимаетъ кулаки, потрясаетъ (кстати сказать, очень неграціозно) ими въ воздухѣ.

Довольно одной этой черты, чтобы понять, что играю г. Рудницкаго не стоитъ подробно заниматься.

Изъ прежнихъ артистовъ труппы выступалъ въ „Снѣгѣ“ даровитый г. Аслановъ. Онъ никогда еще такъ скверно не игралъ, какъ этотъ разъ.

Я сильно подозреваю, что г. Аслановъ (въ роли Казимира) и г-жа Помелова (въ роли Мокрины) задались цѣлью пародировать пьесу Шишывшевскаго. Они очень

серіозно подчеркнули всѣ сомнительныя мѣста пьесы и не разъ заставляли зрителей улыбаться.

У г. Асланова рука во всѣхъ актахъ пьесы, при всѣхъ положеніяхъ была за бортомъ пиджака. Что это символизировало—не знаю.

Роль Эвы играла г-жа Шиловская.

Она была лучше другихъ. Но и въ ея игрѣ не было той влекущей силы, которая составляетъ непремѣнную черту личности Эвы. Не было красоты, не было захватывающей страсти.

Въ концѣ концовъ хорошо игралъ только одинъ г. Баженовъ. Онъ игралъ настоящаго лакея и не старался показать публикѣ и подчеркнуть, что это роль изъ пьесы Шишывшевскаго, въ переводѣ г. Вознесенскаго.

При постановкѣ пьесы много выдумки пошло на вычурную декорацію. Для пьесы это не нужно, но для „Шишывшевскаго“, въ переводѣ г. Вознесенскаго—нашли нужнымъ это сдѣлать.

Въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ получился стиль: вычурная, дѣланная передача ролей протекала въ вычурной обстановкѣ.

Обращалъ на себя вниманіе уходящій толъ. Онъ то появлялся, то исчезалъ. Совсѣмъ былъ бы дѣйствующимъ лицомъ, если-бы умѣлъ хоть немного говорить.

Столъ уходилъ со сцены, когда г-жѣ Шиловской хотѣлось смотрѣть въ окно и потомъ вести сцену на диванѣ. Чтобы не гѣшать ей, онъ и уходилъ со сцены.

Всѣ входили изъ стекляннаго коридора въ шубахъ, но Казимиръ-Аслановъ не только безъ пальто, но и безъ шапки.

Тадеушъ Рудницкій, явившись въ первомъ дѣйствіи, заявляетъ, что онъ очень хочетъ ѣсть. Бронка готовитъ завтракъ. Онъ торопитъ ее. Но когда завтракъ подали, онъ бѣжитъ за шалью, а затѣмъ забываетъ о томъ, что „очень хотѣлъ есть“ и предпочитаетъ вести послѣдующую сцену на кушеткѣ, вдали отъ стола съ закуской.

Зрители, однако, помнить, что онъ хотѣлъ ѣсть, и недоумѣваютъ.

Изъ такихъ недосмотровъ, изъ такихъ неправдоподобныхъ штриховъ соткана вся постановка. Въ ней нѣтъ живого мѣста.

Вообще „Снѣгъ“ на сцену Незлобинскаго театра не внесъ собою ни радости, ни красоты. Продержится онъ недолго. Онъ долженъ будетъ очистить сцену подъ властью холоднаго равнодушія зрителей.

Возвращаясь къ виновницѣ спектакля—г-жѣ Юреновой, необходимо напомнить, что по одной роли отнюдь не слѣдуетъ предрѣшать участь артистки вообще.

Скажутъ: сама она выбрала эту роль.

Ну, такъ что жъ, что сама? Тѣмъ болѣе надо подождать судить объ артисткѣ. Исторія театра знаетъ многихъ высокоталантливыхъ артистовъ, которые съ необычайнымъ упрямствомъ рвались играть именно тѣ роли, какія не отвѣчали природѣ ихъ таланта.

Покойный Рощинъ-Инсаровъ всю жизнь рвался играть роль городничаго въ „Ревизорѣ“.

В. П. Далматовъ считалъ лучшею ролью своею Гамлета.

Кто знаетъ, быть можетъ, и „Снѣгъ“ для г-жи Юреновой то же, что Гамлетъ для В. П. Далматова.

Подождемъ другихъ ролей. Не хочется думать, что артистка съ такими чудесными данными не найдетъ себя.

Будемъ вѣрить, что найдетъ.

Театралъ.